

НАВСТРЕЧУ ДРУГ ДРУГУ:

САНКТ-
ПЕТЕРБУРГ
—
ЭСТОНИЯ

Сборник
Евгений Валентинович Лукин
Навстречу друг другу:
Санкт-Петербург – Эстония

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48575472

Навстречу друг другу: Санкт-Петербург – Эстония. Сборник / Сост. Е.

В. Лукин: Скифия; Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-00025-179-9

Аннотация

В сборник «Навстречу друг другу: Санкт-Петербург – Эстония» вошли статьи, очерки, воспоминания, стихи петербургских и эстонских ученых, писателей, журналистов, художников, посвященные давним историческим связям и культурному сотрудничеству между Эстонской Республикой и Санкт-Петербургом. Выход сборника приурочен к 20-летию партнерских отношений между Санкт-Петербургом и Таллином.

Содержание

Предисловие	4
Таллин. Стихи	6
Ирина Белобровцева, Аурика Меймре (Таллин, Эстония)	8
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Навстречу друг другу: Санкт-Петербург – Эстония. Сборник Составитель Евгений Лукин

Предисловие

Дорогие друзья!

Рад приветствовать читателей нового сборника «Навстречу друг другу: Санкт-Петербург – Эстония».

В этом издании собраны авторские статьи и художественные произведения жителей как Эстонии, так и Санкт-Петербурга, посвященные тесному переплетению судеб наших народов, наших культур и истории.

Санкт-Петербург всегда был многонациональным городом – его создавали и развивали представители самых разных народов. Здесь проживали и творили видные деятели культуры, искусства, науки эстонского происхождения – они внесли свой неоценимый вклад в различные сферы жизни столицы Российской империи. Эстонская интеллигенция,

обучавшаяся в *учебных* заведениях нашего города, обогатила культурную среду, способствовала повышению уровня духовности народа.

Если посмотреть с другой стороны, то выходцы из Санкт-Петербурга-Петрограда-Ленинграда – писатели, поэты, архитекторы, ученые, инженеры – оставили свой созидательный след в истории эстонского общества и государства.

Уверен, что эта тема взаимного вклада в развитие друг друга – очень хорошее поле для исследований и повод для развития взаимных дружеских связей вопреки всем проблемам современности.

Эти народные узы живут и сегодня – жители Санкт-Петербурга с соучастием следят за жизнью и новостями нашего близкого соседа, а представители самых разных поколений Эстонии с неподдельным интересом посещают всемирно известные достопримечательности северной столицы России.

Этот сборник мы приурочили к проведению традиционных «Петербургских встреч в Таллине», которые, надеюсь, оставят у жителей самые приятные впечатления.

Искренне признателен всем авторам за участие в этом проекте Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга!

Желаю всем приятного чтения!

Евгений ГРИГОРЬЕВ,

председатель Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга

Таллин. Стихи

Марианна Соломко

(Санкт-Петербург, Россия)

Таллин... Таллин! Старый город
Жив людьми, душою молод.
Тишь дворов-опочивален,
Башен, улочек, соборов —
Это Таллин!

Над собором Олевисте
Голубей взвилось монисто,
Белое перо —
Лепесток почтовой стаи.
Ветер-чтец его листает
В ритме болеро.

Сто ли верст переверстали
Мы до устали устали,
Обошли вокруг всех талий
Дивных башен и ротонд.
Под биение кроталий
Шумен, светел, музыкален —
Лишь тогда старинный Таллин
Нам открылся, словно зонт!

Ирина Белобровцева, Аурика Меймре (Таллин, Эстония) «Эстонский» Петербург: Петербург в эстонской литературе XX века. Статья¹

В 1973 году В. Н. Топоров впервые заговорил о существовании в русской литературе особо структурированного «петербургского текста» с определенными признаками, его маркирующими. Так русское литературоведение начало осознанное изучение семиотики и мифологии города. С течением времени стало ясно, что аналогичные «городские» тексты существуют в разных литературах и культурах, причем далеко не всегда их субстратом становятся тексты о «своих» городах. Так, изображение «мировых городов» (Рим, Вавилон, Иерусалим и т. п.) во многих литературах и культурах нередко предпринималось с целью идентификации идеологических установок эстетических проблем в собственной культуре (вспомним, например, религиозно-философскую и

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках проекта «Эстония между Востоком и Западом: Парадигма “свой”, “другой”, “чужой”, “враг” в культурах Эстонии XX в.» (IUT18-4), при поддержке Фонда европейского регионального развития Европейского Союза (Центр исследования эстонских штудий – TAU-16078).

культурную идеологему «Москва – третий Рим»).

Для Эстонии Петербург имел большее значение, чем любой другой русский город: в начале 1860-х годов многие эстонские деятели культуры, образовавшие круг так называемых петербургских патриотов во главе с художником Йоханом Келером и литератором Карлом Робертом Якобсоном, увидели возможность национального возрождения и развития национального самосознания в освобождении народа из-под власти прибалтийских немцев. С этой целью ходоки из Эстонии дважды передавали в руки царей (Александра II – 1864 и Александра III – 1881) соответствующие прошения.

В 1960-х годах, говоря о Петербурге начала XX века, классик и идеолог эстонской литературы Фридеберт Туглас (1886–1971) с сожалением констатировал: «Эстонская петербургская колония уже не имела в эстонской национальной жизни того значения, какой имела в период пробуждения, т. е. когда только вдали от Эстонии можно было начинать что-то более смелое»².

Еще четверть века спустя, в 1986 году, литературовед и писатель Оскар Круус (1929–2007) в историческом романе «Время собирать камни», воспроизводящем события эпохи национального пробуждения второй половины XIX века, отвел особую роль художнику Йохану Келеру, который в сво-

² *Friedebert, Tuglas. Mälestused. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1960. Lk. 253–254.* (Здесь и далее перевод с эстонского языка на русский – авторов настоящей статьи.)

ей петербургской квартире устроил нечто вроде центра «эстонского дела», штаба для посланцев из Эстонии, намеревающихся передать обращение императору. И в этом романе, и в некоторых других произведениях, посвященных тому же историческому периоду, роль Петербурга сведена к декорации, которая едва замечается персонажами. Во всяком случае, ателье и картины Келера описаны О. Круусом гораздо более подробно.

Присутствие Петербурга в эстонской литературе обнаруживается прежде всего в фольклоре, где город упоминается чаще всего в связи с фигурой Петра Первого, который становится символом России и русского народа как победивший в Северной войне шведов и таким образом подчинивший себе Эстонию. Однако ни произведения устного народного творчества, ни эстонская литература XIX века не осмыслили облик Петербурга и его значение в жизни Эстонии (Эстляндии и северной Лифляндии) и России. Это объясняется очень поздним (по сравнению с Россией) возникновением национальной эстонской литературы, которая сформировалась только к самому началу XX века.

В это время Петербург присутствует в эстонской литературе настолько часто, что можно говорить о компенсаторном характере этой частотности: образ города развивается экстенсивно (увеличивается количество текстов, составляющих «петербургский текст») и интенсивно (воссоздается семиотика и мифология Петербурга в эстонской жизни на протя-

жении, по меньшей мере, трех столетий). С этого момента образ Петербурга в эстонской литературе запечатлевается в двух ипостасях: синхронно – в мемуарах, записках, дневниках путешествий и ретроспективно – в попытках осознать задним числом роль Петербурга в жизни народов, населявших Эстонию (Эстляндию и северную часть Лифляндии).

Следует сразу же отметить определенное своеобразие «петербургского текста» в эстонской литературе. В силу известной территориальной и климатической близости сходные признаки никак не проявляются. Так, писатели, сами живущие в стране многочисленных озер и болот, где через центр второго по величине города (Тарту) протекает самая полноводная река Эстонии Эмайыги и несколько крупных городов начиная со столицы расположены на том же, что и Петербург, Балтийском море, практически не фиксируют в своих произведениях и впечатлениях особенности северной столицы как морского города, расположенного на островах и построенного на гнилых болотах. Маркируются прежде всего различия, контрасты. Петербург возникает как феномен, созданный с помощью приема остранения, увиденный глазами «другого», «чужого». Поэтому он явлен как противоположность всему привычному и хорошо знакомому: как член оппозиции *столица – провинция, казенный – домашний, чужой – свой, холодный – теплый, перенаселенный – малолудный*.

Любопытно, что «знакомый», «свой» полюс в подобных

оппозициях может обозначать и нечто неэстонское, но уже освоенное. Так, например, поэт Хенрик Виснапуу (1890–1951) в своих эмигрантских мемуарах «Солнце и река», описывая свою поездку в Петербург, Гатчину и Царское Село летом 1914 года, определяет Петербург как «самый крупный современный город»³, который он видел. Отношение к Петербургу у эстонского писателя, скорее всего, предвзятое и заранее негативное. Об этом можно судить хотя бы по тому, что он противопоставляет ему архитектуру другого знакомого и тоже знакового для эстонца города, говоря, что современная архитектура Хельсинки «запала в память, несмотря на широкие проспекты Петербурга, Зимний и Исаакиевский собор»⁴.

Свое видение Петербурга, основанное в основном на символах, эстонские литераторы передают читателю по большей части уже тогда, когда он перестает быть формально их собственной столицей, т. е. уже после провозглашения независимости Эстонии в 1918 году, хотя при этом предпринимаются попытки восстановить восприятие Петербурга начала века.

Именно это делает прозаик Оскар Лутс (1887–1953) в «Королевской шапке» (1934), описывая армейскую службу молодого провизора, вследствие бюрократической оплош-

³ *Visnapuu, Henrik*. Päike ja jõgi. Mälestusi noorusmaalt. Tallinn: Eesti Raamat, 1995. Lk. 204.

⁴ Там же.

ности оказавшегося в Петербурге 1910-х годов. В его мемуарной повести перед читателем предстает Петербург с небольшой эстонской колонией, которая помогает «своим» освоиться в русской столице. Этому процессу способствовало полное отсутствие языкового барьера – из-за усилившейся русификации с середины 1880-х годов общеобразовательные школы в Эстонии были переведены на русский язык обучения. Тем не менее элемент остранения есть, и прежде всего он относится к расстояниям: длинные дома и большие расстояния («Да, да, Семеновский госпиталь, конечно же, находится здесь же – как же он может находиться где-то в другом месте – так, примерно километра два за углом. Идешь и идешь, а дом в центре Петербурга все не кончается и не кончается», сам «военный госпиталь кажется целым городом») и – на этом фоне транслируется прямо противоположное восприятие того же фактора пространства самими петербуржцами: «... все расстояния у русских “за углом” и рукой подать»⁵.

Несмотря на традиционное для русской культуры противопоставление Петербурга Москве по признаку *иностраный, нерусский* – *исконно русский город*, Лутс, человек другой культуры, не просто ощущает национальную принадлежность города, но даже выписывает латиницей хрестоматийную цитату: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»⁶.

⁵ *Luts, Oskar. Kuningakübar. Mälestusi VIII. Tallinn: Olion, 1999. Lk. 55.*

⁶ Там же. С. 59.

В написанных в 1935 году воспоминаниях, продолжающих мемуарную повесть, демобилизованный Лутс едет в деревню к родителям, а затем в университетский Тарту, где он учился. Сравнение Тарту с Петербургом проведено по наиболее явному признаку: «Тарту, какой ни есть, но родной, домашний»⁷. Это, однако, не мешает автору уехать в Петербург, после чего он задается вопросом: «Боже мой, что же было у меня на уме, что вернулся по своей собственной воле сюда, в эту кутерьму», где «толпы народа, визжащие голоса и режущие звоны трамвайных звонков, от которых уши вянут»⁸.

Петербург уже не отпускает Лутса: варясь в котле большого мирового города, провинциал-провизор становится писателем. Именно здесь он чувствует, что живет: «У нас в этот час все города и городки словно полумертвые, а здесь кипит жизнь»⁹.

Еще позже, в 1940-х годах, свои впечатления от Петербурга описывает Ф. Туглас. Отменно знающий русскую литературу, переводивший Чехова, Горького, Брюсова и др. на эстонский язык, Туглас попал в Петербург в 1906 году и, вспоминая об этом почти полвека спустя, передает свое восприятие его как «большого города», «метрополии», «искусствен-

⁷ Там же. С. 174.

⁸ Там же. С. 195.

⁹ Там же. С. 206.

ного города». ¹⁰

В отличие от Лутса, поставившего целью передать непосредственное восприятие Петербурга молодым эстонским провинциалом, Туглас анализирует «этот гигантский организм», где он скрывался от властей весной и летом 1906 года. Он отмечает наличие в городе эстонцев, но прежде всего в демографическом аспекте: «Из 1,5 миллиона жителей – 15 % чужих, из них около 10 % протестантов. Правда, этот чужеродный элемент ассимилировался – это были немцы, эстонцы или финны. Они образовывали иной, не чисто русский мир». Этому вторят и высказывания самих петербургских жителей: «Да что мы – питерцы! Мы гостя принять не умеем. Это не Россия. Вы поезжайте в Москву, там увидите!»¹¹ Вывод, к которому приходит Туглас, совпадает с утверждениями русских культурологов, философов, литераторов: «Петербург по своему укладу отличался от России в той же мере, в какой его архитектура от остальных русских городов. В нем предполагали нечто куда более холодное, рациональное и казенное. Это отличие давало себя знать даже в языке, так как русской разухабистости здесь препятствовали многочисленные остзейские имена и выученный по книгам или просто ломаный язык». Вывод о том, что «Петербург никакая не

¹⁰ *Tuglas, Fridebert. Pagulasaastad // Tuglas Fr. Mälestused. Tallinn: ERK, 1960. Lk. 253.*

¹¹ Там же. С. 255.

Россия. <...> Это уже Европа»¹², кажется Тугласу несколько преувеличенным, и все же, возможно, именно приближенная к Европе сущность российской столицы стала импульсом для создания в эстонской литературе новой модели Петербурга – основанной на конвергенции, то есть на поиске в чужой столице, в чужом жизненном укладе и чужом народе «своего» компонента, «своей» роли и «своей» меры участия в петербургской жизни.

Именно поиск «своего» в «чужом», «себя» в «другом» дает наиболее интересные результаты, в то время как попытки проникнуть в сущность другого народа и объективно, с изрядной долей психологизма изобразить Петербург с русскими героями и русскими событиями оборачиваются искусственностью и литературщиной. Здесь в качестве примера можно привести повесть одного из самых талантливых прозаиков Эстонии 1920-х годов Августа Гайлита (1891–1960). Время создания его повести «Пропать» пришлось на год 10-летнего юбилея Октябрьской революции.

Понятно, что автором двигало желание противопоставить обобществленной, коллективной Советской России трагическую судьбу обособленной личности – юной девушки, позже – молодой женщины, реализовав в определенном смысле один из вариантов известного мотива Достоевского: никакая идиллия, никакое счастье не могут быть воздвигнуты на слезинке ребенка.

¹² Там же. С. 253.

Изображение Петербурга в повести следует литературной традиции. С одной стороны, Гайлит прибегает к излюбленным метафорам времен Октябрьского переворота «ветер революции», «метель» как знак восстания, мятежа, широко используемым, например, в поэме А. Блока «Двенадцать» (1918), которые затем пронизали советскую публицистику и отразились в поэме В. Маяковского «Хорошо!» (1927). Второй пласт источников составляют произведения русской литературы, в которых Гайлит мог почерпнуть сведения о страшной зиме 1918 года (представляется, что это вполне могли быть рассказы Е. Замятина «Пещера» – 1921, «Мамай» – 1920 и «Дракон» – 1918), и эстонская публицистика тех лет. Петербург изображен у Гайлита пустынным, с обледенелыми каналами и домами, с виду безжизненным: «Дома стоят гробами в ряд, заледенелые, белые, мертвые. Витрины заколочены, двери забиты досками, из окон перископами торчат жестянки труб. <... > С наступлением ночи в городе не мелькает ни одного огонька, он слеп, ужасен, только метель со свистом сгребает сугробы»¹³

¹³ *Gailit, August. Ristisõitjad. Novellid. Tartu: Loodus, 1927. Lk. 177.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.